

Пусть изнеможет под грозами новыми
Плавный полет моего корабля,—
Все примирит снеговыми покровами
Невеста-земля.

Круг завершится. В волнах очищения
Мука недавняя станет легка.
Снова заслышим весенние пения.

Ты будешь близка.

(«Новый журнал для всех», 1908, № 2, стлб. 70)

О Вас. В. Гиппиусе и отношении Блока к нему см. в разделах «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях» и «Блок в незаданной переписке и дневниках современников» (наст. том, кн. 3). Стихи Вас. Гиппиуса напечатаны в «Gaudemus» в № 7 и 10. В надписи на экземпляре своей книги «Аллулуйя», подаренном Вас. Гиппиусу, Нарбут подчеркнул свое противостояние ему как «акмеиста» — «символисту»: «Другу моему Гиппиусу Василью — небесняку от земляка» (ОРК ГБЛ).

⁷ Вл. Нарбут. О Блоке. Ключки воспоминаний. — «Календарь искусств», Харьков, 1923, № 1, с. 2—3.

В перечислении и характеристике членов литературной группы Петербургского университета у Нарбута есть неточности: «И. Розенталь» — это, по-видимому, Семен Розенталь, А. А. Гизетти не стал членом РПД, Александром Иосифовичем Гидони мемуарист спутал, по-видимому, с известным анархистом Александром Ге.

⁸ ГБЛ, ф. 386, к. 96, ед. хр. 1.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 308.

¹⁰ Александр Александрович Конге (1891—1915) — поэт, в судьбе которого, возможно, принял участие Блок: П. В. Безобразов в рекомендательном письме по поводу А. А. Конге, направленном Блоку, просил внимания к «молодому певцу, который, говорят, Вам подражает» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 143, л. 2). Влияние Блока на Конге отмечено в рецензии Вас. Гиппиуса на сборник стихов А. А. Конге и М. А. Долинова «Пленные голоса» (СПб., 1912) — «Новая жизнь», 1912, № 1, с. 269.

¹¹ Об отношении Блока к творчеству П. П. Потемкина см. в разделе «Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях». Оценку творчества Д. М. Цезвора Блок дал в 1919 г. (VI, 333-335).

¹² См. отзыв Блока о Гофманстале в письмах к матери от 31 июля 1908 г. («Письма к родным», I, с. 221) и к Л. Д. Блок от 20 февраля 1913 г. (VIII, 410). Отношение же Блока к Мопсану действительно было заинтересованным (VI, 152—153).

¹³ «Новый журнал для всех», 1913, № 5, стлб. 149.

¹⁴ Там же, стлб. 150.

¹⁵ А. Ахматова. Листки из дневника. ОРК ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 66.

¹⁶ П. В. Куприяновский. Пометки А. Блока на манифестах поэтов-акмеистов. — «Ученые записки Ивановского гос. пед. ин-та», т. XII, Филол. науки, вып. 3, 1957, с. 127.

¹⁷ Текст стихотворения см. в разделе «Блок в поэзии его современников» (наст. т., кн. 3).

¹⁸ В 1918—1919 гг. В. И. Нарбут редактировал в Воронеже двухнедельный литературно-художественный журнал «Сирена». В числе прочих авторов (К. Чуковский, О. Мандельштам, Н. Гумилева, Н. Н. Евреина, А. М. Ремизова, А. П. Чапыгина, М. М. Пришвина и других) Нарбут стремился привлечь к участию в журнале и Блока — см. письма Нарбута к Г. И. Чулкову от 12 августа 1918 г. (ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 39, л. 1) и к А. М. Ремизову от 21 сентября 1918 г. (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 167, л. 5). 10 сентября 1918 г. Нарбут сообщал Брюсову, что Блоку (как и Белому, Клюеву, Есенину, Луначарскому) послано приглашение участвовать в «Сирене» (ГБЛ, ф. 386, к. 86, ед. хр. 17). Это приглашение в архиве Блока не сохранилось. 1 октября 1918 г. Блок послал для публикации в «Сирене» 5 стихотворений (ЗК, 429—430), которые и были там опубликованы. В 1919 г. Нарбут участвовал в Киеве в издании журнала «Зори» (редактором был С. Д. Мстиславский). Предложение Блоку участвовать в этом журнале, а также в журнале «Красный офицер», затеянном Нарбутом (издание не состоялось), было сделано в письме Нарбута к А. М. Ремизову от 28 июля 1919 г. (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 167, л. 6). См. также записку А. М. Ремизова Блоку от 5 августа 1919 г. (наст. т., кн. 2, с. 124—125).

II. БЛОК И «МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ»

Взаимоотношения Блока с начинающими поэтами как отдельная проблема блоковедения еще систематически не изучались, хотя ряд важнейших материалов по этой теме уже введен в научный оборот — укажем хотя бы публикацию В. Н. Орлова «Александр Блок о начинающих поэтах»¹. В значительной степени неразработанность этой темы объясняется ее сравнительной трудоемкостью; для того чтобы в полной мере осветить Блока как наставника (само это слово, впрочем, применимо к Блоку с существенными оговорками²) молодых поэтов, одной опубликованной и даже неопубликованной его переписки недостаточно. Требуется,

например, биографические разыскания о большом числе более или менее (обычно — менее) известных поэтов блоковской эпохи, поскольку содержание многих из недошедших до нас или известных в искажающем пересказе оценок и рекомендаций Блока может быть только опосредованно восстановлено по изменениям в тематике и стилистике стихов, да и просто в количестве написанного и напечатанного (в том числе и в полном отказе от писания стихов) — изменениям, которые произошли вследствие контакта этих поэтов с Блоком.

В разные периоды жизни Блока, в различных литературных и общественных ситуациях различалась и степень его заинтересованности тем, что пишут представители следующего литературного поколения³, хотя по количеству получаемых рукописей в 1910-е годы он, по-видимому, уступал только Брюсову⁴. В первой половине 1910-х годов безразличие и любопытство у него достаточно часто сменяли друг друга. Так, 4 июня 1911 г. Блок записывает по поводу альманаха издательства «Мусагет»: «„Стихи в большом количестве вещь невыносимая“, — очень справедливо⁵. Надоели все стихи — и свои» (ЗК, 182). Однако уже осенью того же года Блок знакомится со стихами молодых, и притом «в большом количестве», беседует с Рюриком Ивневым, Грааль-Арельским (С. С. Петровым)⁶, Г. В. Ивановым. 5 декабря 1911 г. он писал матери: «(. . .) я хотел бы показать тебе несколько книжек молодых поэтов, где есть много хорошего»⁷.

Год спустя резкое неприятие Блока вызвала поэтическая продукция большинства акмеистов, а осенью 1913 г. он проявляет внимание к эгофутуристам, но они, по выражению самого Блока, «надежд не оправдали» (ЗК, 197), и, по-видимому, у Блока на несколько лет ослабел интерес к чужим стихам вообще⁸. Как признавался он Ахматовой 14 марта 1916 г.: «Всегда почти — посмотришь, видишь, что, должно быть, очень хорошо пишут, а мне все не нужно, скучно, так что начинаешь думать, что стихов вообще больше писать не надо» (VIII, 458—459). Но он не уклонялся от обязанностей поэтического судьи, возложенной на него читающей Россией («Раз Вы Блок — несите это», — писала ему писательница М. Л. Толмачева, мать молодого поэта, 26 февраля 1916 г.⁹). И очередная дебютантка свидетельствовала в письме к нему: «...говорят, что Вы всегда отвечаете на письма и говорите искреннее мнение»¹⁰.

Содержание многих блоковских отзывов нам неизвестно — например, о стихах С. Комиссарова — 21 октября 1914 г.¹¹, А. Леушина — 30 декабря 1914 г.¹², Б. Г. Шаца — 14 мая 1915 г.¹³, Т. М. Глаголевой — 24 февраля 1916 г.¹⁴. 2 ноября 1913 г. Блок ответил киевскому поэту В. Н. Маккавейскому по поводу присланных им стихотворений (на полях этих стихотворений есть пометы Блока; например, рядом со стихами «Мы все капризней, — все жеманней / Непризнанное говорим» Блок сделал помету «зачем же?» и подчеркнул слова «все жеманней») ¹⁵. 7 ноября 1914 г. Блок ответил поэтессе Агате Гальпериной, которая писала ему: «Считая Вас самым выдающимся поэтом нашего времени, я хотела бы знать Ваше мнение о моем творчестве прежде, чем печатать свои стихи. То, что я предлагаю Вашему вниманию, — несколько стихотворений, написанных за последнее время, — не зрелый труд, а только первый опыт. Я была бы бесконечно благодарна Вам, если бы Вы откровенно высказали мне Ваше мнение, есть ли у меня данные для того, чтобы быть хорошим поэтом. Мне самой слишком дорога наша литература, чтобы наводнять ее ненужными произведениями»¹⁶. Возможно, что ответ Блока не был резко отрицательным, — во всяком случае, в следующем году Агата Гальперина выпустила в Москве сборник стихов «Веретено». 29 июля 1915 г. актриса О. Н. Высотская в письме к Блоку спрашивала, что он думает о стихах ее брата Сергея, а 24 октября 1915 г. писала Блоку: «...все, что Вы пишете о стихах Сережи, передала ему в Москву. Я думаю, что он будет писать Вам сам и, конечно, будет присылать Вам свои стихи»¹⁷.

В 1910-е годы с ростом блоковской славы приток писем, рукописей и книг, присылаемых для отзыва, увеличился. Но блоковская требовательность оставалась неизменной. Экцентричное по тону письмо Тихона Чурилина (впоследствии автора незаурядных поэтических сборников) — одно из свидетельств рыцарской прямоты Блока: «Я получил мои тетради. Благодарю: Вы умеете уважать чужую личную жизнь... даже и бездарностей. Извиняюсь за мой нелепый поступок, Тихон Ч у р и л и н»¹⁸.

Приведем еще одно свидетельство о характере блоковского общения с молодыми поэтами. 23 декабря 1914 г. Блок получил письмо и стихи от Клары Букштейн (ЗК, 251), которую направил к нему Вяч. Иванов. К. С. Букштейн писала: «В сущности говоря, если принять во внимание, что пишу я по-настоящему около года и что последние 3—4 года моей жизни почти весь мир мой духовный был наполнен Вашей поэзией, что с нею я засыпала и просыпалась,

то, может быть, она неминуемо должна была отразиться на мне вначале? <...> Но будьте со мной откровенны до конца. Все равно, что бы Вы мне ни сказали, я буду одинаково благодарна Вам. Я извиняюсь, что во время работы все-таки и письмом отрываю Вас, но Вячеслав Иванов мне говорил, чтоб я непременно дала Вам мои стихи, и уверял, что Вам будет не скучно их читать. А я так верю всему, что он мне говорит!» 29 декабря 1914 г. Блок говорил с К. Букштейн по телефону, а 31 декабря он получил от нее письмо: «Не знаю, может быть, это надо объяснить влиянием Вашей личности вообще, что пока я говорила с Вами, мне казалось, что происходит что-то хорошее, не печальное для меня; и вдруг, когда положила трубку, поняла — что Вы говорили! Я, кажется, постарела за эту ночь от тоски. Поэзия для меня все, я не могу жить без нее. А если все так, как Вы говорите... Но все равно я не могу бросить писать, потому что я жить тогда не могу. Может быть, я всю жизнь буду страдать от того, что Вы не сможете этих стихов полюбить, но все равно я не могу бросить. Я никому не скажу правды о том, что Вы мне сказали, кроме одного близкого друга и Вячеслава Иванова <...> хотя думаю, что и он вдруг отвернется от меня, когда узнает, ему все разнравится; так ведь бывает. Прошу Вас только, никому не показывайте этих стихов. Спасибо за голос Ваш, за тон, спасибо за то, как Вы со мной говорили!»¹⁸. Впоследствии К. С. Букштейн (1894 — 1972) стала профессиональным поэтом и под псевдонимом «Клара Арсенева» выпустила несколько сборников стихов.

Сохранился ряд других косвенных свидетельств о нелицеприятных и мотивированных ответах Блока честливым молодым авторам. 16 ноября 1915 г. филолог и поэт К. А. Вогак, сотрудник студии Мейерхольда и журнала «Любовь к трем апельсинам» (ранее, в письме от 9 ноября 1915 г., просивший дать оценку сборнику стихов И. Ф. Калининкова²⁰), писал Блоку: «Отзыв о стихах Калининкова по своей полноте и определенности не оставляет желать ничего лучшего. Что он не из лестных — так ведь дело не в лестии, а в правоте»²¹.

Среди других оставшихся нам неизвестными отрицательных отзывов Блока о начинающих поэтах в 1915 г. — утраченное письмо к Б. Ю. Кудишу от 18 января («Суровость Вашего отзыва вначале „обезнадежила“, но потом я научился понимать ее», — писал адресат Блоку 21 февраля)²² и письмо к А. В. Берсеновой от 14 мая, также утраченное («Спасибо Вам за то, что Вы ответили так просто и прямо <...> но нелегко мне было узнать, что Вы запрещаете мне писать стихи», — отвечала Берсенева²³).

Поэт, писавший под псевдонимом «Чролли», 26 января 1916 г. отвечал на какое-то не известное нам высказывание Блока: «Многоуважаемый Александр Александрович! Вы сказали, что в месяц в среднем выходит 30—40 сборников. Следовательно, около 400 в год, или около 2000 в пять лет. Возьмите любой сборник из этих двух тысяч за годы 1911—1915, и я обязуюсь после второго чтения указать резкие и очевидные различия между этим сборником и моим. Чролли»²⁴. Блок, судя по помете на письме, ответил на него. Резкое этого ответа о сборнике Чролли «Гуингм» (Пг., 1915) приведено в подборке отзывов о «Гуингме», помещенной в следующей сборнике молодого автора: «Ал. Блок: Неинтересно. З. Гиппиус: (Неодобрительный отзыв). Н. Гумилев: Безнадежно-неинтересно. Ал. Толмачев: Плохо, скучно. Г. Маслов: Чролли что-то хочет сказать, но сказать ему нечего»²⁵.

Стихотворец Николай Черкасов, поднесший Блоку 24 апреля 1916 г. свой сборник «Выше!», в письме от 18 января 1917 г. ссылается на недошедший до нас отзыв Блока: «Прошлая моя книга „Выше!“ вызвала с Вашей стороны решительное и бесповоротное суждение: „не имеет права на существование“»²⁶.

Критик П. С. Воробьева-Владимирова писала Блоку 7 марта 1916 г.: «...простите великодушно, что запоздала несколько поблагодарить Вас за отзыв о книге стихов Соина „Мои песни“»²⁷. Ваша любезность меня глубоко-глубоко тронула, — спасибо Вам, Александр Александрович! Но как Вы суровы в своем приговоре! Ведь от него веет чем-то роковым, бесповоротным, не оставляющим и тени надежды... Александр Александрович! Вы подошли с слишком высокой меркой к этому человеку. Вы сравниваете его с Пушкиным, Эдгаром По, Бодлером, с А. Блоком и проч(ими) звездами первой величины, — ну куда же бедному Соину выдержать такое сравнение! Обыватель он, конечно, ибо велика сила среды, но ведь от обывательщины не свободен и Кольцов, и даже сам Некрасов»²⁸.

Той же предельной требовательностью и отсутствием всякого лукавства отмечены и публикуемые ниже два письма Блока, относящиеся к апрелю 1914 г. — времени для их автора очень важному: в марте он написал «Жармен», и за его оценками и суждениями на сей раз

стоит не только былой профессиональный опыт, но и чувство правоты и уверенности, связанное с осознанием себя как первого, быть может, лирика своей эпохи.

Адресат первого письма Николай Сергеевич Апукин (1890—1972) — известный советский литературовед, в частности, один из первых блоковедов: в 1923 г. он выпустил книгу «Александр Блок. Синхронистические таблицы жизни и творчества. 1880—1921. Библиография 1903—1923», а в 1924 г. — сборник «А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах». До революции Апукин издал два сборника своей лирики. О первой из этих книжек — «Осенний цветник» (М., 1914) — Блок и пишет в письме к Апукину.

«Осенний цветник» открывается программным стихотворением «Шкатулка с музыкой»:

Люблю наивно с музыкой шкатулки,
Их нежных песенок хрусталь;
Как светлые осенние прогулки,
Они баюкают печаль...

И в большинстве других стихотворений этой книги («Над прудом», «Жороче дни и сумерки синее...», «Городок», «Октябрь. Стоит давно пустою дача...» и т. д.) прослеживается установка на описательную поэзию, на «бесхитрстные» стихотворные пейзажи и натюрморты, апеллирующие к самоценной и скромной красоте простого мира. С. Кречетов (С. А. Соколов) писал об этом сборнике: «Есть хорошая проникновенность в лирике Н. Апукина:

Гудят телеграфные струны,	Алмазные звездные руны
Истлел за лесами закат,	На пологѣ темном дрожат,
И пыль не дымит по дороге,	И шепчутся травы о боге.
И вечер и мирен, и синь.	И ладаном пахнет полынь...

В его стихах много робкой, тихо ступающей по земле нежности и искреннего чувства, способного трогать. Однако ж г. Апукину надо немало поработать над собой. Образы лирики должны быть так же четки и значительны, как образы эноса. Их творят из иного материала, но по тем же законам. Надо бояться незначущих вздохѣв и ходячих слов. Лирик должен по преимуществу избегать воды, ибо в ложке ее можно утопиться так же удачно, как в Черном море. Г. Апукину есть смысл работать»²⁹.

В иные моменты своей жизни Блок даже склонен был поддерживать «скромное стихослагательство» скорее, чем широковещательные пророчества и лирические монологи «волевого» героя («самохвальство») ³⁰. По-видимому, реакцией на становившуюся модной «декадентскую» риторику объясняется выбор, сделанный Блоком из книги С. Л. Рафаловича, которому он сообщал в неопубликованном письме:

«Многоуважаемый Сергей Львович.

Большое спасибо за Ваш сборник, который я получил на днях, и за надпись, сделанную Вами на нем. Только сейчас узнал Ваш адрес, потому не ответил сразу. Пока еще не успел прочесть всего, а только просматривал немного; при переизъявляньи внимание остановилось на стихотворении «На могиле» — нежном, тихом и простом ³¹. Кажется, в Вашей поэзии мне будет ближе всего нота печальной тишины.

Истинно уважающий Вас Александр Блок

13 января 1906» ³²

Но письмо Блока к Апукину написано непосредственно после создания цикла «Кармен», насквозь пронизанного мотивами «игры, пестроты, волн, тревоги», и Блок, еще остро ощущавший напряжение «стихии», которой он, по собственному позднему признанию, слепо отдался в марте 1914 г. (III, 474), остался глух к подчеркнуто-сдержанной тональности стихов Апукина. Отзыв Блока проливает свет на его представления о своего рода «диалектике» взаимоотношений «безыскусного» и «эстетического» в стихах. Блок не принимал модной манеры петербургских поэтов 1910-х годов, преимущественно определявшейся как раз «игрой» и «пестротой» и ориентированной на «стилистический жест», или, как определил эту манеру Блок в письме к Мейерхольду от 15 января 1915 г., «мигдальничанья и жантильничанья». «После таких стихов я начинаю обыкновенно жаждать сухого, чопорного „пушкиньянца“ Верховского», — добавляет Блок в том же письме ³³. Но и противоположная стилевая тенденция, возрождающая незатейливую до-символистскую поэтику, тоже была для Блока «не-

питательной», как он отозвался (в один день с письмом к Н. С. Ашукину) о стихах П. С. Сухотина, во многом стилистически близких к «Осеннему цветнику» (VIII, 437).

Адресат второго из публикуемых блоковских писем, Сергей Аркадьевич Алякринский в недошедшем до нас письме, по-видимому, говорил о своей любви к творчеству Блока. В автобиографии 1924 г. Алякринский сообщал: «Поэтическое развитие начал под влиянием Александра Блока, которого считал своим учителем до 1912 года. Все, что было написано им после книги „Ночные часы“, меня уже не интересовало, и этой книгой Блок для меня кончился»³⁴. Имя Алякринского ранее дважды всплывало при обсуждении вопроса о «новой» постсимволистской поэзии на рубеже 1910-х годов. Обозреватель «Аполлона», рецензируя книгу Алякринского «Цепи огней» (М., 1910), писал: «Он модернист: когда вы встретите у него неряшливую рифму, он скажет вам, что это ассонанс; если вы спросите его о какой-нибудь строчке, для которой нет места в метрических схемах, как бы изысканны они ни были, он объявит, что ритм ее ласкает его ухо; если вы выразите недоумение по поводу выражения „излучные зовы дня“, он повернется к вам спиной. Есть от чего смутиться робкому читателю. Но перелистайте его книгу, и вы успокоитесь. Он не имеет понятия о том, что такое ассонанс, он совершенно невинен в ритмических новшествах, его душа не утонченнее по переживаниям вашей, он типичный любитель, но только пишет не под Надсона, а под Бальмонта и Блока (...) несправедливо видеть в Алякринском и ему подобных тип поэтов, идущих на смену Блоку и Белому»³⁵. Брюсов в связи с тем же сборником заметил, что Алякринский «не понимает, насколько простота выражения сильнее, чем его „сладостные заклятья“ и „таинственно-зовущая мгла“. Кроме того, он исключительно занят самим собой и думает, что всем на свете интересно выслушивать, как он впитал „сны чьих-то ресниц“ и как через „отраву“ чьих-то ласк для него „расцвело солнце“»³⁶. Холодный отзыв Блока относится, по-видимому, к сборнику Алякринского «Кактусы»³⁷.

¹ «День поэзии», М., 1972, с. 273—274.

² Ср. отзыв Вяч. Иванова в записи Ф. И. Коган (раздел «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» — наст. том, кн. 3, с. 507).

³ О взаимоотношениях Блока с начинающими поэтами в 1900-е годы, см. в предисловии к «Письмам Валентина Кривича к Блоку» (наст. том, кн. 2, с. 406—407).

⁴ Е. Н. К о н ш и н а. Переписка и документы В. Я. Брюсова. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 27. М., 1965, с. 24—25.

⁵ Эту цитату Блок употребил 10 лет спустя в статье «Без божества, без вдохновения» (VI, 183 — «как сказал однажды один умный литератор»). По свидетельству М. А. Бекетовой, эта фраза была сказана ей некогда М. М. Стасюлевичем, причем «он ссылался на Тургенева, который вряд ли мог сказать такие слова» (М. А. Б е к е т о в а. Моя редакторы и издатели. — ГЛМ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 4, с. 3). Ю. М. Лотман в устном сообщении высказал предположение, что этот афоризм перефразирует слова Брута из гоголевского «Вия»: «Всякому известно, что такое кожаные качушки; при большом количестве вещь нестерпимая».

⁶ 20 февраля 1912 г. это-футурист Д. А. Крючков писал Блоку: «Обратиться к Вам позволяет моя уверенность в Вашем отзывчивом и благожелательном отношении к начинающим поэтам, о чем я слышал от сотоварищей — Грааль-Арельского и Георгия Иванова» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 42, л. 1 об.). О неразысканном письме Блока к Г. В. Иванову от лета 1911 г. см. в примечаниях к письму Г. В. Иванова А. Д. Скалдину от 16 августа 1911 г. («Блок в неизданной переписке и дневниках современников» — наст. том, кн. 3).

⁷ «Письма к родным», II, с. 88. Осенью 1911 г. вышли следующие книги молодых поэтов, которые мог иметь в виду Блок: Б. Л и в ш и ц. Флейта Марсия; В. Ш е р ш е н е в и ч. Весенние проталинки; Грааль-А р е л ь с к и й. Голубый ажур; И. Э р н б у р г. Я живу; М. Д о л и н о в и А. К о н г е. Пленные голоса. С Александром Конге (1891—1915) и его стихами Блок был знаком и ранее — см. рекомендательное письмо П. В. Безобразова к Блоку от А. А. Конге (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 143, л. 2). Об интересе Блока к опытам Вас. В. Гишпиуса и Н. А. Черныяского см. в разделе «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» (наст. том, кн. 3).

⁸ Особая, нуждающаяся в специальной разработке (и в первую очередь — в хронологизации) тема — это интерес Блока к Игорю Северянину. Отметим только шутивную итоговую формулу Блока: «Говорить о нем поэт, это не то слово. Он просто поэт и ничего более» (М. В. Б а б е н ч и к о в. Наброски к воспоминаниям о Блоке. — ЦГАЛИ, ф. 2094, оп. 1, ед. хр. 4, л. 152). Об отношении Блока к кубо-футуристам см. в разделе «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 430, л. 6.

¹⁰ Письмо Н. Д. Белого от 5 марта 1916 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 146, л. 1. Отметим, что Брюсов в 1910-е годы вынужден был признаваться: «... я отныне ставлю себе правилом отвечать только тем авторам, которые покажутся мне людьми талантливыми» (ЛН, т. 85, с. 205).

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 282.

¹² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 310.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 460.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 217.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 319, л. 8 об. Об этой переписке Блок помнил и семь лет спустя. Несомненно, о ней идет речь в воспоминаниях Виктора Третьякова: «Когда в „Союзе поэтов“ рассматривался привезенный мною киевский сборник „Гермес“, Блок заинтересовался и вспомнил, что с одним из участников его он когда-то обменялся письмами. У него, отчужденного, была память даже на мелочи, особенно если дело шло о близком ему» («Сегодня», Рига, 1927, № 174а, 8 августа). В альманахе «Гермес» (Киев, 1919) Вл. Маккавейский опубликовал перевод на французский язык одного стихотворения Блока и одного — Вяч. Иванова.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 207.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 206, л. 9. Какое-то суждение о стихах Е. Л. Недзельского Блок, возможно, высказал в неразысканном письме от 3 ноября 1913 г., отвечая на письмо Недзельского, полученное 31 октября 1913 г.: «Очень извиняюсь за свое нахальство, но решил просить Вашего отзыва о моих стихах. Если будет можно, прочтите их, но пожалуйста, не стесняйтесь, если нельзя, то не надо (...). Хотел послать их в один из журналов, но решил спросить Вашего совета» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 50). Отметим, что обращение Недзельского к Блоку непосредственно предшествовало объявление в «почтовом ящике» «Воскресной вечерней газеты» (№ 89, 27 октября 1913 г.) о том, что его стихи не приняты к публикации. В 1914—1915 гг. Недзельский опубликовал стихи в московских литературных журналах, в 1915 г. выпустил сборник стихов с «блоковским» заглавием «Радость в страдании». Впоследствии — переводчик чешской поэзии.

¹⁸ «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. М., 1979, с. 486. Иногда Блок откладывал вынесение окончательного суждения. Так, из письма Е. Н. Вавулиной от 19 февраля 1913 г. следует, что хотя Блок осудил ее за склонность «дилетантствовать в стихах», он пожелал «оставить ее листки на память» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 181, л. 4—5). Ольге Кауфман Блок 28 апреля 1916 г. предложил «прислать еще стихи через год», а 21 мая 1917 г., когда корреспондентка выполнила это условие, «написал, чтобы стихи бросила, нестойкие» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 270, л. 4, 11).

¹⁹ Письма К. Арсеновой (Букштейн) — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 133, л. 1—4. См. также: К. Арсенова. Воспоминания о Блоке. — «Александр Блок в воспоминаниях современников». М., 1980, т. 2, с. 98.

²⁰ Иосиф К а л л и н и к о в. Крылатые песни (1913—1915 гг.). Орел, 1915. В письме от 3 ноября 1915 г. И. Ф. Каллиников сообщал Блоку: «Крылатые песни» — изданы мною в правах рукописи в 75 экземплярах, из которых ни в продажу, ни на отзыв в редакции журналов не дано мною. Я люблю литературу и очень ее уважаю, а потому считаю, что для того, чтобы выступить с книжкой перед широкой публикой, я должен иметь еще и нравственное право, которое мне дадут мнения людей, близких литературе» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 36, л. 1; на письмо помета Блока: «Ответ. 8. XI»).

²¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 199, л. 3. Ответ Блока К. А. Вогаку с отзывом о стихах Каллиникова был написан 12 ноября 1915 г.

²² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 295, л. 3.

²³ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 157, л. 3. Отвечая на утраченное ныне письмо Блока от 22 мая 1915 г., поэт Н. В. Ястребев (по поводу стихов которого Блок сделал помету «Свежести нет, вот что страшно»), писал: «Стихи, которые я Вам послал, действительно оказались полны всяких влияний и всяких наслоений. В них как будто проглядывает и Брюсов, и Сергей Городецкий, есть даже заимствования и из Вашей поэзии» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 72, л. 2).

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 453, л. 1. Согласно справочнику Н. В. Здобнова «Материалы для сибирского словаря писателей» (М., 1927, с. 50, 54), псевдоним «Чролли» принадлежал Константину Фавстовичу Тарасову. Ср.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 2, с. 302.

²⁵ Ч р о л л и. Сын Фауста. Вторая книга стихов. Пг., 1917, с. 32.

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 449, л. 3.

²⁷ И. С о и н. Мои песни. Гороховец, 1913.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 204, л. 1—1 об.

²⁹ «Утро России», 1914, № 96, 26 апреля.

³⁰ Так он противопоставлял Б. А. Садовского С. М. Городецкому в 1912 г. (VII, 186).

³¹ Приводим текст этого стихотворения.

Н а м о г и л е

Тускло и уныло
Вся кругом цвело,
Мало счастья было,
Да и то прошло.

Солнце не светило,
Только жгло твой путь;
Там где ты ходила,
Не на что взглянуть.

Скорбны, жалки, серы
Были все, как ты.
Не хватало веры
Для живой мечты;

Злобы не хватало
До конца презреть.
Боже! как устала
Ты о всех жалеть.

Как улыбку счастья
Жаждала от них
Вместо слов участия,
Вместо слез чужих...

Шопот слов увялый,
Ропот тихих слез
Ветер до могилы
Может быть донес;

И над нею ветлы
Скорбно шелестят...
Но я понял: светлый
Нужен ей варяд.

Нужен ландыш гибкий,
На заре — туман,
И моей улыбки
Горестный обман.

(Сергей Р а ф а л о в и ч. Светлые песни. СПб., 1905, с. 117—118). Эта книга Рафаловича с карандашными пометами Блока находилась в его шахматовской библиотеке («Труды по русской и славянской филологии», XXIV, Тарту, 1975, с. 469).

³² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 113.

³³ «Новый мир», 1979, № 4, с. 165.

³⁴ ИМЛИ, ф. 516, оп. 1, ед. хр. 4, л. 1. Ср. в этой же автобиографии: «В настоящее время занят работой над темой о ликвидации романтизма и главным образом „блоковизны“ как наиболее интенсивной его струи в период 1904—1914 гг., залившей умы и настроения интеллигенции и далеко не изжитой в наши дни ни в литературе, ни в жизни. Тема, завладевшая мной, разрабатывается в прозе задуманным и пишущимся уже лирическим романом „Сердце и эпоха“». Сергей Аркадьевич *Алякринский* (1889—1938) писал Блоку также 25 июля 1921 г. из Иркутска, где он в это время занимал видное место в литературном объединении «Барка поэтов» (см.: В. Т р у ш к и н. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 181). К этому письму приложены 13 стихотворений Алякринского (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 123).

³⁵ Н. Г у м и л е в. Письмо о русской поэзии.— «Аполлон», 1911, № 4, с. 83—84. О влиянии «Снежной маски» на «Цели огней» см. в рецензии Н. Ме(шкова) («Студенческая жизнь», 1910, № 36, с. 10).

³⁶ Валерий Б р ю с о в. Собр. соч., т. 6. М., 1975, с. 362.

³⁷ Приведем для наглядности два стихотворения из этого сборника:

Бред сердца

Мне в этом мире все враждебно
И нечего родным назвать,
Давно не мудрствую волшебно
Любовью сердце врачевать.

Люблю и властвую отныне
Над тем, что умерло во мне
И что дало простор гордыне,
Что только вижу лишь во сне.

В пустыне по пескам кочую,
Где дышит смерти торжество,
Все ж, все, чем властвовать хочу я,—
Пустой бред сердца моего!

Бред

Стустилась ночь...
И ты сверкнула
Мне, дьявольская дочь,
Порочной негой Вельзевула.

Еще обман
Распятья страсти
И сладострастье ран
Твоей кровоточащей власти!

Сдавила ночь...
И средь разгула
Ты, проклятая дочь,
Навеки подо мной уснула.

(Сергей А л я к р и н с к и й. Кактусы. Вторая брошюра стихов. М., 1912, с. 4, 28).

БЛОК — Н. С. АШУКИНУ

1 апреля 1914 г.

Уважаемый Николай Сергеевич.

Я не люблю таких стихов, как Ваши: в них нет игры, пестроты, воли, тревоги; от этого все только кажется простым, а на самом деле — ужасно не просто. До простоты надо дожить, а когда начинаешь с нее, она оказывается какой-то неживой. Книжечка красивая, спасибо.

Александр Б л о к ¹

БЛОК — С. А. АЛЯКРИНСКОМУ

12 апреля 1914 г.

Спасибо за письмо и за присылку книги. Стихи мне не нравятся, они старые и подражательные.

Книжка стихов К. Павловой («Стихотворения», Москва, 1863) попадаетея у букинистов, спросите у Фаддеева на Моховой ².

Более полное собрание (если не ошибаюсь) собирается выпустить Валерий Брюсов, кажется, в «Альционе»³.

Александр Блок⁴

¹ ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1—2.

² Этот сборник Каролины Павловой Блок получил от московского книгопродавца Фаддеева 22 ноября 1912 г. (VII, 182).

³ Двухтомное собрание сочинений Каролины Павловой под редакцией В. Я. Брюсова вышло в московском издательстве К. Ф. Некрасова в 1915 г.

⁴ ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 32.

III. БЛОК И ЖУРНАЛ «СОФИЯ»

6 мая 1921 г. в Москве Блок выступил в Институте итальянской культуры (Lo Studio Italiano). Обстоятельства приглашения Блока изложены в воспоминаниях М. И. Грифовой¹. Однако в них, по-видимому, содержатся некоторые неточности, устраняемые приводимыми ниже материалами. В частности, в этом эпизоде выпало имя Павла Павловича Муратова (1881—1951), личность которого — «одного из тончайших созерцателей и в высокой степени чуткого знатока искусства»² — была чрезвычайно авторитетна для Блока.

В 1914 г. Муратов издавал в Москве художественный журнал «София», стоявший под знаком «поисков художественного синтеза», — эта задача ощущалась как насущная в последний предвоенный сезон³. Толчком к возникновению журнала было открытие древнерусской иконописи. В статье «Возраст России», открывавшей журнал, говорилось: «Благодаря искусству нам является теперь образ первой России, более рыцарственный, светлый и легкий, более овеянный ветром западного моря и более сохранивший таинственную преемственность античного и первохристианского юга. <...> Мы слишком долго отказывались от него, забывали о нем, поглощенные историческими бедствиями второй и третьей России. В заботах о будущем мы не раз обольщались мыслью начать все сначала, как начинают страны молодые, страны без прошлого. Но в России нельзя не ощущать прошлого, не будучи ей чужим, так же как нельзя не ощущать прошлого и быть достойным Италии. Сознание важности и древности теней, все еще витающих над опустошенной Русью — вот первое, чему учат нас новые художественные открытия»⁴.

По замечанию Н. Н. Пунина, «„София“ имела смелость говорить о великих именах и говорить часто новым языком»⁵. Среди материалов, помещенных в журнале, многие должны были привлечь внимание Блока, — например, статья К. Локса «Апулей» (№ 3): в октябре 1912 г. Блок перечитывал Апулея (VII, 165). Но, конечно, в первую очередь таким материалом была заметка Б. А. Грифцова «Роза и крест» (подписанная «Б. Г.») в первом номере. Здесь Блок прочел важное для себя утверждение о «несомненной и простой сценичности его новой драмы» («Она вполне осуществима и на современной сцене. В роли Изоры — богатый материал для драматической актрисы»). В этой заметке пьеса анализировалась именно как сценарий театрального действия, с учетом законов зрительского восприятия: «Представляем себе, что некоторые поклонники Блока будут огорчены недостаточной напряженностью многих страниц его новой драмы. Но можно иначе взглянуть на это умышленное самоограничение: должны медленно и привычно развертываться многие сцены, чтобы среди них вдруг возникли лирические моменты, нужные простые и долгие рассказы, чтобы стала выносива исключительная острота основной, в обрывках вспоминающейся все время, создающей действительно содержание пьесы песни странника „Путь твой грядущий — скитанье...“ <...> Лирическое течение пьесы, рисковавшее напрячься до непередаваемой идейности (что отчасти и случилось прежде с „Незнакомкой“), сменяется подлинной иронией. Простота ситуаций сдерживает и только подчеркивает ту старинную идею, к которой все творчество Блока приближается с исключительной личной болью, преданностью»⁶.

22 марта 1914 г. сотрудничавший в «Софии» П. С. Сухотин (Блок одобритительно отзывался о его статье «Древнерусская повесть» в № 2) писал Блоку: «Счастливи еще исполнить данное мне поручение Павлом Павловичем Муратовым — выразить его полную солидарность со мною в отношении к Вам как к поэту и литератору. Редакция „Софии“ долгое время не решалась беспокоить Вас просьбой о сотрудничестве, но Ваши строки ко мне послужили последним толчком⁷, и мы просим Вас не отказать нам в любезности высказать по поводу этого свое мнение. Разрешите ждать от Вас ответа в ближайшее время. <...> Адрес мой: „София“, Павлу